

ИНТЕРВЬЮ

Кена Йебсена с психотерапевтом, специалистом по конфликтам Рюдигером Ленцем

Кен Йебсен - Господин Ленц, Вы второй раз в нашей студии. Первый раз два года назад. Тогда поводом нашей встречи была опубликованная вами книга «Гримаса насилия», в которой речь шла о насилии относительно самого себя и других, но главной темой была, конечно, тема мира. На днях Вы выступали на демонстрации у Бранденбургских ворот в Берлине. Это было Ваше первое выступление перед массовой публикой. Что двигало Вами? Опасения относительно мира в мире? Я прошу Вас углубить тему мира: что такое внешний мир, внутренний мир и что между ними общего. Можно ли сказать, что мир это отсутствие войны?

Рюдигер Ленц - Нет, это не отсутствие войны. Война это отсутствие оптимизации образования, которое я сам для себя формирую. Война возникает всегда, когда я посредством агрессивного поведения проецирую свои внутренние конфликты вовне, чтобы позволить им приобрести некую форму.

- Это звучит абстрактно.

- Да, это звучит абстрактно, но это суть войны, суть конфликта, потому что война это не что иное, как вынесенный вовне внутренний конфликт.

- С какой целью - чтобы его увеличить, сделать государственным?

- Да, чтобы сделать его государственным. Войны между государствами происходят тогда, когда одно государство не может собственными силами мобилизовать необходимые ресурсы и хочет сделать это за счет другого государства. Например, если бы каждый человек мог умножить свои ресурсы и задействовать весь свой потенциал благодаря соответствующему образованию, то государство могло бы процветать за счет потенциала своих собственных граждан, например, развивать совершенно новые энергии посредством инженерного искусства. А если в государстве нет такой системы образования, то оно пытается получить эти ресурсы, скажем, источники сырья, от другого государства.

- Говорят, что война мать всех вещей. Исторически войны были всегда. Значит ли это, что человек в принципе агрессивное существо, которое не может жить без войн, и было бы иллюзией верить, что мы может жить мирно, так как это в принципе невозможно?

- Ну, во-первых, война отнюдь не мать всех вещей, а мать всех больных вещей. Я бы это перевел так.

- Значит, поговорка неверна?

- Да, неверна, потому что она адаптирована к системе, в которой мы живем, а она сегодня очень воинственна, потому что она основана на конкуренции, на отторжении: я могу чего-то достичь, только если прогоню с дороги или ослаблю другого, тем самым усиливая себя. На самом же деле это как раз ослабление самого себя. Таким образом, человек отторгает от себя свою человечность, которая на самом деле в нем живет и хочет быть использована. В этом виновата система образования. В школе, хотя это начинается уже в детском саду, мы не учимся действовать от себя, использовать собственные ресурсы.

- Но мы ведь, можно сказать, итак живем в очень эгоистичном обществе.

- Да, но это культура обладания, а не бытия. На самом деле, если мы разрушаем свою человечность, то это деоптимизация. Эрик Фромм описал это в своем знаменитом труде «Иметь и быть».

- Значит, это это вовсе не Я? Есть еще другое Я, настоящее?
- На самом деле Я это фокусник, некая морфологическая система собственной самости, которая смоделирована, сконденционирована обществом.
- Чтобы установить гармонию между тем, что от меня ожидают, и тем, что я есть на самом деле?
- Нет, не тем, что я есть, потому что Я это всегда нечто другое. Правильнее сказать: между тем, что от меня внешне требуется и тем, под кого я себя кондиционирую. Человек ведь всегда хочет выглядеть положительно в глазах общества, друзей, своей жены, детей, всех людей.
- Своей собаки.
- Своей собаки. Всегда существует давление конформности. Так что можно сказать, что на самом деле Я это фактор стабильности посреди давления конформности.
- Это звучит так, как будто вы не социолог, а психолог. Что вы делаете, когда не пишете свои книги? Занимаетесь искусством спортивной борьбы?
- Теперь уже нет, я считаю, что отвечать насилием на насилие это полное слабоумие. Мы, боевые спортсмены, привыкли признавать удары как законное средство самозащиты. На самом же деле мы, таким образом, тоже кондиционируем себя для системы, построенной на соревновании. Считается, что спортивный боец это правомерный, положительный насильник. Так не должно быть, нельзя победить ненависть ненавистью, злобу злобой.
- Допустим, что Вы живете в маленьком поселке с 40 жителями. Ночью весь свет выключен, и к вам приходят люди, которые столкнулись с насилием. Что вы будете делать?
- Что я с ними буду делать? Обычно ко мне приходят люди по рекомендации судьи, который им говорит: идите к Ленцу или в тюрьму. Хотя на самом деле ко мне приходят не только насильники, но и нормальные люди с проблемами. Что бы я с ними делал? С насильником я пробую добиться того, чтобы он влюбился сам в себя. Чтобы он понял, что насилием он вступает на трудный путь, на котором невозможно усилить собственные ресурсы. Обычно насильники это те, кто не научился обходиться со своими ресурсами так, чтобы они шли им на пользу. На самом деле насильник, как и каждый человек, хочет улучшить качество своей жизни. Для этого мы все работаем, но повысить качество жизни работой мы можем только посредством денег. Я лично рассматриваю деньги как побочный продукт деятельности человека, а ценностью является сама деятельность. Но нас этому никто не учит. Мы выходим в жизнь с профессией, но не с призванием, хотя каждый человек обладает особыми способностями, потенциалом, который надо стремиться развить.
- Почему мы этого не делаем? Почему мы измеряем свой успех деньгами, которые получаем за работу, а не тем, что делаем?
- Потому что наша финансовая система построена на долгах, на процентных ставках. Каждый человек находится в долгу и вынужден каким-то образом перекидывать их на других. На этом строится наша работа.
- Идеальная система снежного кома.
- Да, система снежного кома.
- Всюду долги, к тому же с процентами, все чувствуют себя должниками. Церковь говорит, что быть в долгу плохо. Человек признает свою вину и чувствует облегчение. Были ли когда-нибудь другие общественные системы, когда не было долгов, и люди жили друг с другом по-другому?
- Были, но тысячи лет назад. Ведь изобретение процентной ставки суть изобретение денег как таковых. Это в значительной мере связано с развитием денег. Люди искали посредника для торговли, и это уже сама по себе сомнительная ситуация.
- Потому что она абстрактна?

- Да, потому что деньги не могут определять ценность самого продукта.
- Вы говорите о ресурсах. Обычно под ресурсами подразумеваются какие-то ископаемые: нефть, газ и так далее. Что вы имеете в виду, когда говорите о ресурсах человека? Это то, что он может?
- Когда я говорю о ресурсах человека, то имею в виду самого человека как физически, так и духовно. И сформировать, построить его означает позволить ему мобилизовать, укрепить, умножить свои ресурсы. И в процессе этой оптимизации возникают все новые ресурсы в результате его общения с внешним миром. Всякое живое существо стремится в своей экосистеме добиться каких-то преимуществ, и оно может это только если задействует весь свой ресурс. Например, собака, у которой хороший нюх, или кабан, у которого тоже хороший нюх, ищет носом себе пищу. Человек делает это с помощью своих познавательных способностей, с помощью лобного мозга, и если мы этого не делаем, а мы этого не делаем в нашей школьной системе, то человек привыкает расценивать эту финансовую и экономическую систему как совершенно нормальную.
- Считаете ли Вы, что это противоестественная система?
- Абсолютно противоестественная система.
- Если я вас правильно понимаю, то эта система не соответствует тому, что необходимо человеку.
- Да, для человека правильные условия жизни суть только свобода. Свобода невообразима без мира, и этого не понимают многие борцы за свободу, точно так же, как мир невозможен без свободы. Свобода внутри мирной системы означает, что человек может жить и действовать таким образом, как для него естественно. Вот что означает мир и свобода. Мир и свободу надо рассматривать вместе, это как инь и янь. Не существует мира без свободы и наоборот. Кто говорит о свободе, но упускает мир, тот не понимает, что такое свобода.
- Но свобода одного кончается там, где она начинает ограничивать свободу другого. Это процесс. Эрих Фромм говорит: Мир не господствует. Об эти понятия многие обломали себе зубы. Что Вы видите нового в этой сфере? Что такое, по-вашему, свобода? Может быть, свобода это договор о свободной торговле? (Оба смеются)
- Этот договор есть абсолютная противоположность свободе.
- Но на нем стоит написано «свободная торговля».
- Зато внутри от нее нет ни следа. Договор о свободной торговле это тот уровень, который начинается под Харц 4 (минимальное социальное пособие безработным в Германии, к тому отягощенное множеством унижительных условий). По сравнению с тем, что в этом направлении происходит, прежде всего, в Мексике, Харц 4 выглядит благодеянием. В Европе предпринимаются попытки протолкнуть этот закон за закрытыми дверями. В принципе это не что иное, как попытка добиться того, что уже пытались достичь банки. Банковский кризис показал, что налогоплательщиков можно заставить оплатить долги банков. А теперь они пытаются издать законы для индустрии, по которым страна, в которой какой-то продукт по каким либо причинам не может быть представлен, должна оплачивать убытки предприятия, которое их в таком случае якобы понесло, так как не может продавать в этой стране свой продукт.
- Регрессивное обязательство.
- Да и в первую очередь это обязательство накладывается на налогоплательщиков. Делается попытка стабилизировать систему западной экономики за счет налогоплательщиков, которые должны платить за все, что бы это ни было.

- Господин Ленц, я думаю, что свобода может быть нарушена также и тем, что благодаря свободно доступной информации многие люди слишком много знают. Если только немногие знают, что происходит, а большинство ничего не подозревает, то можно сдерживать агрессию. В этом смысле интернет сегодня похож на ящик Пандоры. Благодаря ему многие люди знают суть этого договора, они выходят на улицу и становятся агрессивными. Как по-вашему, может ли этот принцип, который использовался столетиями, продолжать действовать дальше, или вы чувствуете, что люди повсюду испытывают агрессию по отношению к этой системе? Или это все же только немногие?

- Это не немногие, их очень много. Это видно, прежде всего, в Европе, где во многих городах организуются пикеты, где люди выходят на улицы и демонстрируют свою волю к миру.

- Вы тоже выступали на одном таком пикете за мир. После этого появилась реакция со стороны левых. Как вы себя чувствуете после этого? Может быть, вы действительно заметили среди участников пикета каких-то личностей, с которыми не хотели бы иметь ничего общего: какие-нибудь нео, правые, коричневые, империны и т.д. Что это были за люди, о которых пишет левая пресса?

- Я не видел там никаких странных людей. Я видел только нормальных людей, которые любят мир и свободу и за это вышли на улицу. Совершенно нормальные люди, как вы и я.

- Вы считаете нас совершенно нормальными людьми?

- Я так считаю, вполне.

- Вы там говорили больше часа и принесли с собой табуретку. Это похоже на какой-то символический жест. Почему вы сели? Вы ведь так многих людей не могли видеть.

- Я просто хотел внести в эту тему мир (в смысле: покой). Мой 12-летний опыт показывает, что многие люди не знают, что такое мир. Также среди тех, кто выходит на демонстрации за мир. Люди не знают, какие действия нужны, чтобы внести в нашу культуру мир, чтобы он вообще стал возможен и мог распространяться. Чтобы настал мир, недостаточно вывесить соответствующий плакат. Мир может настать, только если я сам себя совершенно преобразую, приготовлю себя к миру. Если я в глубине души признаю, что являюсь человеком с определенными способностями, которые были подавлены, но который хочет раскрыть свой потенциал, о котором я все время говорю.

- Могу ли я как активист бороться за мир?

- Нет, это невозможно. Можно, конечно, сказать: я борюсь за мир или мы, 10, 20, 100, 1000 человек боремся за мир. Это отнюдь не плохой тезис, но если я хочу, чтобы мир настал, я должен сам внести его в жизнь. И это надо выразить действиями.

- Давайте конкретнее. Многие люди выходят на демонстрацию только тогда, когда замечают, что на них что-то надвигается, например: Ах, вооруженный конфликт на Украине, что нас в связи с этим ожидает? - Что отдельный человек может делать, если недостаточно выставить плакат. Можно ведь сидеть у себя дома и не хотеть войны, но это же ее не остановит. Люди чувствуют себя беспомощными, что тут можно делать?

- Если бы, скажем, американцы или НАТО надумали ввести войска, то их не остановил бы даже Рюдигер Ленц, хотя я живу более мирно, чем многие другие люди. Отдельный человек это не предотвратит, и целое движение это не предотвратит даже за два года. Так быстро это не происходит. Но дело-то вовсе не в этом.

- Значит, с этим придется смириться.

- Придется смириться. Это не значит, что не надо демонстрировать свою волю к миру, тогда вообще ничего не будет, я этого не говорю. Я говорю: мир должен быть внутри самого человека, как семя, которое в свое время прорастает, распускается и выступает вперед. Мир

может существовать в человеческом сообществе, которое живет в мире, и это означает вывернуть наизнанку систему, которая у нас сейчас есть. Надо больше в ней не участвовать, не конкурировать, не конфликтовать, а войти в собственную систему, делать то, что помогает мне оптимизировать мою человечность.

- Это значит не выйти, а как раз войти.

- Да, войти в себя.

- Как это сделать? Человек, например, работает у Боша по 8 часов в день. Он не испытывает никакого удовольствия от своей работы, хотел бы делать что-нибудь другое, но у него жена и ребенок, он взял кредит, чтобы что-то купить, надо выплачивать долг. Как ему войти в себя, если он должен каждый месяц приносить домой 2000 евро, что делать?

- Он должен есть это кислое яблоко (делать что-то без радости). Так просто. Это столь же жестоко, как просто. Ты кусаешь кислое яблоко и говоришь: ок, я бы хотел мира, но у меня дом, я должен кормить двоих детей и так далее, и ты начинаешь понемногу выносить на рынок свой собственный потенциал. Кстати, это делают очень немногие люди, очень немногие развивают собственный потенциал, собственные способности и этим зарабатывают деньги. Многим, кто на это решился, это удается, но в большинстве своем люди не решаются на это, потому что старое теплое гнездо намного удобнее. Они не могут расстаться с привычным комфортом. Но это возможно. Первые два года или один – смотря как стараться, конечно, будут трудными.

- Человек, который работает у Боша, говорит: «Я бы хотел на какое-то время уволиться, чтобы поискать альтернативное занятие, которое было бы мне по душе». В таком случае неизвестно, как это будет функционировать. Он думает: Бош будет существовать и через 10 лет, так что, если что, то можно будет вернуться, но на самом деле я бы хотел открыть экомаркет или еще что-нибудь. Это значит, параллельно со старой работой планировать новое дело и взять на себя риск. Может быть, люди этого боятся?

– Очень боятся. Человек боится не столько войны, сколько собственной свободы.

- Человек боится не столько войны, сколько собственной свободы? Это интересно.

- Да, для психолога это вполне логично. Я думаю, нет ни одного хорошего психолога, который бы не подтвердил то, что я сейчас сказал. Человек больше всего боится свободы, потому что свобода означает одновременно ответственность за свои желания и за свои действия. Поэтому я говорю, что свобода и мир всегда существуют вместе. Естественно, я должен это делать мирно.

- Знают ли люди, если их спросить, чего они на самом деле желают, или их желания, как я это называю, инстинктивны: путешествия, большая машина?

- Путешествия и прочие инстинктивные желания это не что иное, как замещающие стратегии, чтобы одолеть эту проблему, которая возникает оттого, что я, собственно, не хочу брать на себя ответственность, отказываться от удобств. Поэтому я уклоняюсь и говорю, что путешествовать лучше. Это отвлекает от главной темы – выступить со своим Я вперед. Большинство людей в нашей культуре живут в отрыве от своих чувств и эмоций, поэтому они собственно и не знают, чего на самом деле хотят, это вы хорошо сказали.

- Я не психолог, но по моим наблюдениям, если люди должны постоянно делать то, что им не доставляет удовольствия, и не могут делать то, что им интересно и что имеет для них смысл, то они становятся агрессивными.

- Да, тогда люди становятся агрессивными. Это совершенно нормально. Потому что тогда собственные ресурсы и потенциалы больше не играют никакой роли, так как человек вынужден их подавлять. Эта положительная агрессия Я, которая в случае свободного развития возгорается до мотивации, будучи подавленной, загоняется в подсознание, а отрицательная

агрессивность пробивается наружу, и тогда: весь мир дерьмо, все кругом чушь, я больше не хочу разговаривать ни со своей женой, ни с детьми. Я становлюсь абсолютно недовольным человеком, испытываю ярость по отношению к этому миру, но не знаю, как ее канализировать и направить на что-либо положительное.

- Вы различаете положительную и негативную агрессивность. Многие не смогут это понять. Слово «агрессия» обычно используется для обозначения отрицательных эмоций. Когда человек его слышит, он пытается скорее уйти с дороги. Что в агрессивности может быть положительного?

- Наша культура использует это слово так, что ясно, почему люди это не понимают. А именно, потому что все СМИ постоянно трубят об агрессии, везде агрессоры, Путин, например, теперь агрессор, и мы с еще большей агрессивностью стремимся его прогнать, остановить. Если человек хочет что-то предпринять, например, то же путешествие, о котором была речь, то ему нужно побуждение, и это побуждение должно быть зажжено, оно должно получить, так сказать, искру, которая его зажжет. И вот эта искра и есть то, что мы называем агрессивностью. Побуждение может получить положительную искру, если я зажигаю свои собственные потенциалы и предъявляю миру то, чем на самом деле являюсь, благодаря своим способностям.

- Получается, что это мирное использование своих желаний. А если я использую их негативно, что тогда?

- Это, как правило, приводит к насилию. Насилие это не всегда кулак в лицо и кровь. Насилие бывает также вербальным, системным – существуют всевозможные формы насилия: например, мобинг или: я шеф какой-то фирмы, и для меня главное не прибыль; на самом деле я только хочу разыграть свое превосходство над другими. Я, скажем, одержим принципом господства, подавлением других людей. Когда мне это удается, я чувствую себя лучше. Такого рода насильники ведь всегда используют плохую ситуацию своей жертвы для поднятия своей ценности. Это доход насильника. Этот принцип господствует в нашем обществе и посредством конкурентной гонки постоянно провоцирует такого рода насилие – постоянно. Мы чувствуем себя хорошо только тогда, когда может другого унижить и выставить плохим, слабым, никчемным.

- Все время соревнование с целью возвыситься над кем-нибудь.

- Многие родители воспитывают своих детей, постоянно подвергая их мобингу. Дети этого не замечают, они просто вырастают в эту систему и потом подражают своим родителям.

- Получается, что тюрьма это крайний случай, и можно сказать, что наше общество показывает пример насилия. Относится ли это, в том числе, и к политике? Чтобы быть успешным политиком, обязательно надо быть негативно агрессивным - чтобы преуспеть в этой системе?

- Да, так есть, он должен быть агрессивным, иначе он не может быть успешным. Да у нас и нет хороших политиков. У нас там наверху довольно плохие люди, которые как можно скорее хотят быть выбранными в эту военную машинерию. Население, как правило, не выбирает тех, кто разжигает войну. Большинство людей не хотят никакой войны. Их на эти посты проталкивают другие силы.

- Допустим теперь, что вы психолог и перед вами сидят два противника, как в шахматной партии, известные люди, допустим, Путин и Барак Обама как действующие политики, а за ними советники, консультанты. Что бы вы как терапевт конфликтных ситуаций им посоветовали? Они пришли к Вам, что вы будете с ними делать? Кому, по-вашему, надо помогать? Кто из них больше насильник?

- Такой терапевт как я, смотрел бы на это иначе, а именно, системно. Я бы не пытался применять к ним терапию, а сделал бы, прежде всего, анамнез конфликта. Это первое, что я бы сделал.

- Что это такое?

- Анамнез конфликта это значит разобраться, кто создал конфликт, и кто в нем сидит и не может сопротивляться или как раз сопротивляется.

- Оценка ситуации?

- Это не оценка, это установление насильника. Так криминалист ищет вещи, которые могут помочь ему понять, что на самом деле произошло. Большинство исследователей конфликтов говорят об участниках конфликта. Я поступаю иначе, я спрашиваю, кто является причиной конфликта и кто защищается. Тогда у меня возникает совершенно другая система. Тогда я могу гораздо лучше разграничить виновника конфликта и того, кто защищается, я могу их развести и исследовать причины самого конфликта. Но большинство психотерапевтов этого не делают, потому что они думают по-другому, а именно системно.

- Давайте все-таки перенесем это с малого на большое. Возьмем ситуацию с Крымом. Путин и Обама как представители разных систем, вступили в конфликт. Мы здесь на западе узнаем из СМИ, что один из них агрессор, оккупировал страну, захватил Крым, а другой, то есть Запад, хороший и защищает там людей, пусть даже для этого требуется военное насилие. Это то, что мы получаем от СМИ. Теперь вы можете анализировать, начинайте.

- Ах, это же кристально ясно, причина конфликта это Обама и НАТО, а защищающийся это Владимир Путин, Россия. Россия сейчас защищается, так как не хочет, чтобы евразийское плато было бы просто занято, что как раз пытается сделать НАТО. Этот конфликт ведь тянется уже давно...

- Но этого нет в газетах. Там все наоборот. Кто же теперь лжет? Или другие тоже правы?

- Хм, наша система абсолютно лжива. Наши СМИ ведь поддерживают существующую систему. Кен Йебсен этого не делает, но большинство работают именно на это.

- Они соучастники?

- Естественно, они соучастники, потому что задача журналистики в государстве состоит в том, чтобы способствовать просвещению и созреванию способности суждения граждан, но на основе фактов. Не приукрашивая факты, не подгоняя их под систему, чтобы все двигались в одном направлении, в котором, может быть, кому-то хотелось, чтобы они двигались. Журналистика должна быть критичной.

- Наша журналистика не такова?

- Совсем не такова. Я наблюдаю, что с каждым годом таких журналистов становится все меньше. Что значит меньше, вообще нет больше никакой массы, которая хотя бы пыталась, хотя наверно так нельзя сказать, я знаю, что вы это делаете.

- Вернемся к нашему примеру: Обама, Путин, НАТО против матушки России или Российской федерации. Для вас тот, кто развязал агрессию, это НАТО, не Барак Обама как частное лицо, а как представитель определенных сил, и Путин на это реагирует. Некоторые скажут, что это не так просто.

- Тогда я скажу, что они не поняли, что произошло на самом деле. Если я, как эксперт по конфликтам, слышу, что люди говорят: Это не так, - то это, как правило, люди, которые не имеют никакого понятия о конфликтах. Если бы мне это сказал другой эксперт по конфликтам, я бы с ним дискутировал, мы бы поразмышляли на эту тему, но я думаю, что вряд ли найдется хотя бы один такой эксперт, который скажет, что Путин развязал этот беспредел. И дальше, когда выясняется, кто является причиной конфликта и кто защищается, то я бы подошел к

разжигателю конфликта или к насильнику и попытался бы его остудить, успокоить. Если он на это не реагирует и развивает конфликт дальше, то этим показывает, что его отнюдь не интересует разрешение конфликта, он продолжает бить, а это ведь то, что мы воспринимаем как зло.

- Значит добыча это просто побочный продукт, на самом деле его интересует доминирование?

- Дело в доминировании, в том, чтобы удержать свою валюту, укрепить доллар. Об этом речь и ни о чем другом.

- Но этот нападающий ведь безумно богат, он бы и не заметил дополнительный люксус. Что это ему дает?

29.00 - Это дает ему дальнейшую власть над этим миром.

- Это наркотик?

- Насилие это наркотик. Я говорю о наркомании насилия. Насильники нуждаются в насилии. Если ребенок достаточно долго дрался, уже может быть с 7 - 8 лет и так далее и в 14 попадает в полицию, а в 18 на скамью подсудимых, то у него за спиной уже много таких дел. Это создает в мозгу определенные нервные соединения, определяющие модель поведения, которая становится доминантной. Это уже зависимость, это автоматически становится зависимостью, манией.

- Мы на этом можем очень многому научиться. Человек совершает насилие, общество его осуждает, он попадает в тюрьму, то есть в общество других преступников, видит там более сильных, может быть, многократных убийц, к которым испытывает уважение. Когда таких подростков сажают в тюрьму, то они обычно не становятся там лучше, а то и еще хуже. Не думаете ли вы, что государство, которое не является членом НАТО, вступив в нее, станет насильником?

- Да, абсолютно верно сказано. Если мы сравним НАТО с компанией насильников, то наивный человек, который попадет в их среду, будет испытывать сильное давление конформности, необходимости приспособиться к окружению, и он естественно будет вынужден стать соучастником насилия. Германия принимает участие в операциях НАТО. После Гитлера сказать, что это достойно сожаления, это не сказать ничего.

- У нас была долгая беседа с геостратегом и экспертом по НАТО др. Даниеле Ганзером. Он говорит, что НАТО уже не является защитником мира, что это уже настоящий военный союз, который осуществляет нападения на другие страны. Видите Вы это так же?

- Да, я бы под этим подписался. Это совершенно ясно.

- Вернемся к НАТО и к Путину. Как вы поступите? Вы ведь хотите помочь также и насильнику. Как вы добьетесь того, чтобы НАТО отказалось от агрессии и, чтобы Путин не перенял роль агрессора. Как развести обоих сцепившихся противников, чтобы обеспечить мир?

- Это не получится, я этому совершенно не верю. Дело в том, что вцепился ведь только один, НАТО. Путин не нападал на НАТО, он не сделал ничего противозаконного, только очень быстро обеспечил безопасность своего черноморского флота и остальное оставил в покое. Теперь, конечно, происходят другие вещи, секретные вещи и т.д. Мир может быть достигнут только в одном случае, а именно, если народы стран НАТО увидят опасность и откажутся от этого принципа собственного благосостояния за счет других. Они должны сами измениться, как я уже сказал. Они должны начать искать собственные ресурсы и задействовать свои способности. Они должны выйти из старой системы и войти в новую, и новая будет касаться только их самих. Таким образом, они лишат систему власти, так как власть будет принадлежать народу, гражданам. По сути, мы же сами работаем на эту систему, мы платим налоги и т.д. Это делаем мы, граждане. И если бы мы ушли из системы, то даже самые властные структуры утратили бы

какую бы то ни было власть над нами. Мультимиллиардеры, которые составляют 0,001% от населения планеты, не имели бы больше никакой власти над нами, так как мы бы не поддерживали систему. Поэтому мой взгляд на решение всех проблем совсем другой, чем у многих других. Многие говорят: злые американцы, злая НАТО, ФРС, злые банкиры и стоящие за ними кукловоды. Нет, они не одни виноваты в происходящем. Виновны всегда также и те, кто их выбирает, так как они ведь все снова и снова выбирают все ту же систему, а не только отдельных людей.

- Но что вы советуете людям, как сделать свой выбор, если они не знают альтернативу, если они знают только систему изнутри? Как можно выйти из системного лабиринта, который человек знает только как лабиринт? Он не видит, где есть какой-то выход. Как из этого выйти?

- Выйти можно только посредством образования, убеждения и просвещения. Другого пути нет. Я никого не могу заставить...

- Значит, образование это ключ?

- Это главный ключ. Золотой путь это образование, просвещение.

- Тут мы подошли к нашей системе образования. Что это за система? Образует она человека раз и навсегда - уродует и конец? Или можно сказать, что, в общем, мы просто не образованы? Но немецкая нация известна как производящая знание. Есть страны, где меньше образования.

- Наша система не образует, а уродует. Она ведет людей в направлении, которое не имеет ничего общего с образованием. Каждый зритель этого интервью должен обратиться к опыту нейрологии. Он совсем не сложен, он совсем прост. Наши ученые обнаружили, как наш мозг собственно формируется. Для этого достаточно посмотреть видео Геральда Хютера или Манфреда Шпицера, которых много в интернете, и тогда можно узнать, как это функционирует.

- Как это функционирует?

- Это функционирует только посредством использования собственных ресурсов и развития потенциалов, больше ничего. То, что наша система образования делает, это булимия. Мы не делаем ничего иного, как готовим людей к выполнению норм индустрии. Я называю это подготовкой рабочих солдат. Мы дрессируем рабочих солдат так же, как в армии дрессируют военных солдат. Школа готовит людей для этого. Она учит детей отвернуться от себя, по возможности меньше доверять себе, по возможности меньше самосознания, как можно меньше решимости встать на собственный путь.

- Выучить стандартные ответы, на вопрос икс, дать ответ ипсилон.

- Да, и прежде всего, слушаться учителя, принимать как авторитетное мнение, когда он говорит, сколько будет в результате тех или иных действий - один или шесть. Это очень мощный авторитарный принцип господства. Конечно, это подспудное кондиционирование ребенок или юноша не замечает и позже, когда он уже работает в какой-то профессии, он вообще об этом не задумывается, потому что все другие делают точно то же самое, значит это должно быть правильно. Наш мозг ведь постоянно производит моменты реальности. Посредством своих мыслей и представлений мы формируем окружающую нас реальность.

- Может быть, было бы легче судить об этой системе, если бы мы находились вне ее. Путин находится вне нашей системы или в другой системе? Как вы думаете, что Путин знает о нашей системе, чего мы не знаем?

- Что Путин знает о нашей системе? Тогда надо идти назад к Горбачеву, к холодной войне. Во всяком случае, Путин наверняка знает, что нас тут всех оболванивают, что наши СМИ и политики нам постоянно врут. Они все работают только по заданию денежных мешков и индустрии власти.

- Некоторые из западных жителей скажут на это, что Путин ведь тоже поддерживает олигархов. Вы бы под этим подписались? Не смотрите ли вы на русскую систему сквозь розовые очки?
- Нет, потому что русская система вынуждена приспосабливаться к ведущей и несущей мировой системе. Это можно перенести в сферу насилия, там точно та же игра. Когда насильник загоняет свою жертву в угол и пытается ее избить, то они оба, и прежде всего, жертва заключены в одной системе, из которой можно выйти, только обладая определенными качествами, например, способностью дать адекватный ответ насильнику. Я не могу сказать ему:
- Ах, насильничек, какие у тебя красивые волосы, давай не будем драться. – Он будет продолжать бить.
- Это его средство.
- Он использует свои средства, и я должен попытаться выйти из этой ситуации, из этих структур, которые создают эти средства. Путин ведь должен выйти из того, что делает НАТО. Он ведь в это втянут.
- Они его связывают.
- Они привязывают его к своим агрессивным структурам, и он не может сказать: Все хорошо, прекрасная маркиза, делайте что хотите, мне нет до этого дела. Это не функционирует, потому что в реальности они ведь сплетены друг с другом.
- Не нуждается ли агрессор в жертве?
- Так точно, агрессору всегда нужна жертва, чтобы, унизив ее, самому возвыситься. Тот, кому нужна власть, всегда бессилен. Так же и НАТО. НАТО бессильно относительно своего народа и развития его ресурсов и потенциалов, иначе нам не нужны были бы никакие войны. Мы бы позволили вырасти из потенциала человечества всему, что нам на самом деле нужно. Большинство людей вообще не могут себе представить, чего мы могли бы добиться мирными средствами, хотя для этого уже существует необходимая техника. Нам больше были бы не нужны атомные или угольные электростанции, мы бы пользовались только солнечной энергией, как например предлагают Франц Альт или Ройгер Штрот. Мы могли бы здесь многому научиться. Мы могли бы добиться намного большего, если бы позволили каждому человеку развернуть свой потенциал. И тогда властные структуры мира сего - не политики, а более сильные власти - утратили бы свою власть над нами; они бы уже не были возле больших кормушек, не выкачивали бы для себя наши ресурсы. Верхушка пирамиды больше не обладала бы абсолютной властью. Власть перешла бы к населению Земли, распределилась бы на все человечество. Но дело в том, что верхушка этого не хочет.
- Что во власти такого, что она становится страстью? Для меня это звучит как мания, от которой нельзя избавиться, зачем это? Ведь быть наверху должно быть опасно. Быть всегда в фокусе внимания общественности, постоянно быть вынужденным защищаться, поскольку все время на кого-то нападаешь, это ведь отнюдь не спокойная жизнь.
- Нет, они не спокойны. На самом деле богатые наверняка не удовлетворены своей жизнью. Может быть, среди них есть отдельные люди, которые счастливы, но на самом деле нет. Насильник никогда не удовлетворен тем, что делает, потому что с помощью замещающих приемов он пытается возвыситься над другими, а это никогда не счастливая ситуация.
- Вы имеете дело с насильниками. Бывает ли так, что насильник встречается со своей жертвой?
- В ходе судебных процессов это бывает редко. Это было испробовано в 80-е годы, но привело к неудаче. Потому что, когда жертва или несколько жертв видят своего обидчика, то бывает, что они на него набрасываются. Они ведь делают довольно мерзкие вещи. Если бы вашу жену, например, кто-то обидел, изнасиловал или еще что, и вы вдруг оказались бы в одном помещении с обидчиком. Вы ведь тоже в некотором роде жертва, и тогда вы можете

сорваться. И они это делают. Так что жертву и обидчика можно поместить друг против друга, но так чтобы дать жертве возможность говорить с насильником, такого нет.

- Значит, им нужен третий.

- Да, им всегда нужен посредник, примиряющий.

- Кто должен быть посредником между НАТО и Российской федерацией?

- Германия.

- Германия должна их примирить?!

- Да, я считаю, что Германия обязана это сделать. Потому что мы развязали и проиграли обе мировые войны. Потому что мы превратили Европу в кучу развалин. Германия должна стоять за мир, за мирные переговоры. Обязанность Германии вести человечество мирным путем, а не посредством экономики и евро, как это происходит сейчас. Это противоположность того, чему мы должны были бы научиться после этих войн.

- Вы единственный, кто так думает, или, по-вашему, остальное население Германии думает так же?

- Не только население, экс-президент Хельмут Шмит тоже так думает. Он говорит, что Германия вообще не должна стремиться к ведущей роли в мире. Этого Германия никогда не должна делать, так как это как раз привело к двум мировым войнам. Германия должна стараться жить со своими соседями в мире и сотрудничестве.

- Как сильнейшая нация вести других за собой, а не конкурировать.

- Да, естественно, чтобы мир в Европе стал стабильным и распространялся на всю планету. Тогда Германия может играть центральную роль. И я твердо убежден, что она это могла бы делать. Народ думает так же. Он, может быть, не может это так сформулировать, но большинство людей думает так же.

- Думаете ли вы, что люди, которые выходят по понедельникам на мирные пикеты и демонстрации, тем самым хотят это выразить?

- Да, я верю этому совершенно твердо.

- Но в СМИ эти пикеты на самом деле не показывают, хотя они проходят по всей стране и их посещает довольно много людей. Не так как футбол, но это началось недавно, а поначалу всегда трудно. О них пишет в основном левая пресса, и создается впечатление, что они смотрят на этот феномен как вивисекторы. Можете ли Вы узнать в них прежних левых или Вам пришлось разочароваться в одной-другой личности из левого лагеря? Или, может быть, все это деление на левых и правых дошло до абсурда?

- Ах, они сами себя уничтожили. Так называемые левые стали пособниками правого кулака и уже этого не замечают.

- Почему они этого не замечают?

- Мне трудно понять, почему они этого не замечают.

- Может быть, им светит власть, как зеленым?

- Да, да, вероятно так оно и есть. Они ее в свое время не добились, не получили. Они не принимают участия в том, что сейчас происходит, и они этим расстроены, чувствуют себя обманутыми. Они работали 20 или 30 лет, и вдруг приходит такой как Ларс Мерхольц... (организатор пикетов за мир по всей Германии).

- Nobody.

- Nobody, человек из народа и именно правильный мужик. Настоящий человек из народа.

- Политически не испорчен и действует просто из своей интуиции.

- Да, он действует, интуитивно руководствуясь свое волей к миру и свободе. Он спрашивает: что здесь происходит? Это же совершенно иррационально! Почему мы не можем жить в мире? У нас ведь все есть, и мы хотим опять все разрушить?
- И все же этого человека атакуют и вместе с ним все движение. Научило ли вас это чему-то новому?
- Новому? Что Вы имеете в виду?
- Ну, Вы думали, что разбираетесь в людях, но может быть, теперь вы увидели, что не так уж хорошо и разбираетесь?
- Надолго так и так нельзя правильно оценить людей. Мы всегда попадаем в эту ловушку, думая, что могли бы, но надолго это невозможно. Есть некоторые личности - я не хочу их называть, которые меня глубочайшим образом разочаровали. Я бы никогда не мог поверить, что они могут с такой силой выступать против движения за мир. Для меня это чистый сталинизм, что там вербально происходит.
- Может быть, и левому лагерю нужен враг, чтобы можно было существовать в этом мире?
- Быть левым, это значит хотеть выстроить социальную систему из бюджета. Это значит, что социалисты на самом деле не противники капитализма, а наоборот, его очень активные защитники. Может быть, даже сильнее, чем одному другому капиталисту может присниться. Потому что они зависят от того, чтобы кто-то другой финансировал то, что они сами не могут осуществить. Это социализм.
- И они это потом распределяют. Более справедливая несправедливость.
- Вот именно, более справедливая несправедливость. Я сам либерально думающий человек.
- Что это?
- Это от слова *Libertè* и означает, что я верю в свободу. В свободу своих действий и, естественно, в свободу действий других людей.
- Существуют политики, которые утверждают, что они за свободу, за либерализм. Они говорят, если ты свободолюбивый человек, присоединяйся к нам. Думаете ли вы ...
- Я бы никогда не вступил ни в какую партию, которая называет себя свободолюбивой, или либеральной, или волюнтаристской, или демократической или какой угодно еще, потому что тогда я опять-таки отдал бы свою ответственность за свободу кому-то, кто говорит: у меня есть лучшая свобода для тебя, и теперь слушайся нас. Это точно то же самое, только эти люди этого не замечают. Свобода вырастает сама из себя, из естественной потребности, которая есть у каждого человека. Это значит, что никто не властен над свободой личности, кроме самой этой личности, которая ее осуществляет со всей ответственностью перед свободой другого человека, не переступая границу, чтобы получить себе большую свободу.
- Но господин Ленц, можно сказать, что демократия все же должна быть организована, так как, если каждый будет выражать свои желания, то мы не сможем осуществить ничего общего. Так что мы должны немного организовывать. Может быть, такая демократия необходима, хотя мы ее и не хотим? Или то, что мы называем демократией, вовсе таковой не является? Или идеально было бы обойтись без нее, но она может остаться идеалом?
- Это определенно идеал, но дело в том, что у нас ведь нет никакой демократии. У нас нет и либеральной политики. У нас нет и социальной рыночной экономики. У нас нет и свободного образования. Это все метафоры, которые мы постоянно слышим от политиков – всего этого у нас вовсе нет. В то же время это есть у людей, которые даже не знают, что все эти вещи означают. Если вы пишете книгу, то вы вдруг замечаете, что означает свобода, потому что зачастую вынуждены иметь дело с цензурой, которая намерена вас уничтожить. И это не демократия, это фашизм, подавление.

- Это значит, что я должен освободиться из этих мыслительных клише?
- Да, полностью. Людям надо начать искать себя, самим чувствовать свою свободу и демократию и жить соответственно этим понятиям, а не думать, что где-то там есть христианский демократический союз или социал-демократическая партия, которая им скажет, что такое демократия.
- Которая мне скажет, где она начинается и где кончается, и как далеко я должен с ними идти.
- Именно так.
- Я пытаюсь Вас понять, хотя это довольно сложно. Если системный человек – он таким не приходит в мир, но довольно быстро форматируется - хочет выйти из системы, то теоретически решением могло бы быть обращение к этносам, к народам, которые живут совсем иначе, конечно, не мешая им. Не думаете ли Вы, что это возможный путь? Есть важные книги на эту тему, например, книга этнолога Дэвида Гребера «Долги», врача и этнолога Гюстава ле Бо «Психология масс». Может быть, с помощью этих т.н. примитивных народов, мы могли бы лучше вспомнить, кто мы такие?
- Я бы на это сказал: и да и нет. Я бы посоветовал не возвращаться к этим ранним культурам, например, к индейской культуре, но мы вполне можем учиться у них тому, чего они достигли, а это немало. У этой культуры можно очень многому научиться. Сейчас, например, есть биохимики, которые пытаются довольно постыдным образом разработать из генетической структуры индейцев одного племени генный препарат и зарабатывать на этом деньги, запатентировать его. Это они теперь делают также с некоторыми культурными ценностями индейцев. Например, химики и биологи, убедившись, что некоторые растения, применяемые индейцами для лечения различных болезней, действительно обладают определенными целебными свойствами, патентуют их на себя. Они используют знания индейцев для капиталистической культуры, и это, конечно, постыдно. Мы не должны этого делать. Если мы у них чему-то учимся, то это должно стать достоянием всего человечества. В этом смысле нет никаких расовых или культурных различий. Это была бы свобода. Свобода означает согласиться с этим и отказаться от расизма, который говорит: Мы лучше других! - Нет, мы все люди, все 7 или 8 миллиардов населения Земли это люди.
- Вернемся еще раз к Путину, это становится интересно, говорить с терапевтом о насилии, который считает НАТО насильником. Наверно и России можно приписать насилие, хотя бы из-за Варшавского пакта, хотя его больше нет. Очевидно, что есть агрессор, которому нужна жертва, чтобы он мог быть агрессором. Теперь оставим агрессора, с ним можно говорить, но остается жертва. Что происходит с жертвой? Станет ли жертва автоматически агрессором, если агрессора больше нет?
- Нет, это невозможно ни теоретически, ни практически. Все зависит от того, как жертва понимает свою ситуацию. Действительно есть много насильников, которые раньше были жертвами, это известно. И есть государства-жертвы, которые потом становятся насильниками. Гитлер, например, чувствовал себя жертвой, он объявил немецкий рейх жертвой и этим обосновал всю свою милитаристскую политику, так как решил, что должен оккупировать Европу.
- Или как Палестина из жертвы превратилась в агрессора и даже этого не заметила, и теперь не может выйти из этой ситуации. Так что Вы посоветуете Путину, как терапевт? Поступает ли он правильно?
- Нет, с моей точки зрения он поступает неправильно. Для него это, конечно, правильно... На самом деле это сложная ситуация. Я начал бы с того, что посоветовал бы Путину как следует

напирать на Обаму и Меркель. Двадцать раз в день звонить им и говорить: прекратите этот бедлам, прекратите этот бедлам.

- Частным образом звонить?

- Да, все снова и снова, так чтобы они взвыли: опять этот Путин! Но они будут вынуждены его слушать, и он должен ясно изложить им свою ситуацию и, прежде всего, он должен через СМИ объяснить миру свою точку зрения. Я думаю, если бы люди во всем мире увидели карту с базами НАТО вокруг России, то они бы лучше его поняли. А также ракетные установки, которые они повсюду поставили. Когда это видишь, то становится ясно, что там происходит. Но народ этого не знает.

- Вы бы ему посоветовали иначе общаться?

- Совершенно иначе, на месте Путина я бы также создавал союзы с более сильными государствами. С Китаем, например, он добился довольно хороших результатов.

- Проблема в том, что война ведется одновременно на нескольких уровнях, в том числе в СМИ. В России Путина слышат, а на Западе не очень, зато американцы выстроили целую сеть своих СМИ в России. Может быть, ему надо позаботиться о том, чтобы больше освещать свою ситуацию на немецком, итальянском - на европейских языках?

- Обязательно, я бы транслировал на французском, испанском, немецком и, конечно, английском языках. На месте Путина я бы сказал: нам нужна, наконец, информационная стратегия и организовал бы радиостанции, телевизионные станции, которые бы это сделали возможным. Ведь американцы уже 60-70 лет только и делают, что через свои информационные каналы укачивают мир своей риторикой о демократии и правах человека. Человечество со времен окончания 2 Мировой войны все еще верит, что Обама действительно лауреат Нобелевской премии мира, хотя на самом деле он, скорее, лауреат премии войны.

- Премии кладбищенского мира.

- Еще лучше.

- Это, так сказать, пиар.

- Отличный пиар.

- Мы видим, что наш глобус становится все меньше, так как людей становится все больше, а уровень жизни в нашем обществе все еще растет. Мы можем так жить и дальше. Я не знаю, если я сейчас скажу «новый мировой порядок», то в меня полетят камни, но я не думаю *New World Order*. Этого я не хочу, мы должны жить децентрализованно. Мы можем работать вместе и все же оставаться децентрализованными, так что, если кто-то что-то изобрел, что годится какому-то региону, то они не навязывают это всем. Как это исключить?

- Это нельзя исключить. Первое, что нам надо сделать, это отказаться от оружия. Мировые власти должны понять, что насилием нельзя бороться с насилием. Оно только рождает все новые конфликты. Мы должны сказать, нам больше не нужны армии. Мы должны уничтожить 98% вооружений и расформировать войска.

- Сделать из них мирные отряды.

- Мирные отряды и в детских садах, в школах учить детей правильно решать конфликты. Мы должны убрать все наши фильмы – как телевизионные, так и игровые, которые полны насилия, и нам надо включить в телефильмы оперативные модели.

- Новые модели, которые показывают, как можно жить иначе.

- Да, новые модели социальных отношений. Это очень широкий спектр. А то ведь сейчас есть фильмы о любви, где показывают женщин, каких в жизни не бывает. Я лично не знаю ни одной женщины, которая была бы настолько глупа, как показывают в большинстве немецких фильмов про любовь, романтику, про счастливый мир. Я не знаю ни одного мужчину, который

был бы настолько туп. Целый год в 2-3 сотнях фильмов показывают сплошных придурков. Это только примеры, и это все надо целиком изменить.

- Это значит, что через киноиндустрию показывают определенные типажи и хотят внушить людям, что все такие, хотя таких людей в жизни нет. Никто так не выглядит, но люди стремятся этому подражать. На самом деле, когда нагнетается определенная доза эмоций, люди всегда начинают рыдать. Может быть, это преднамеренно создаваемый стресс, чтобы привязать людей к этим образцам? Или система этого вовсе не замечает?

- На самом деле эта киноиндустрия или рекламная индустрия не стремится ни к чему иному, как постоянно приводить людей в состояние готовности к конфликту. Это ведь способствует соревнованию, насаждает воинственную культуру. Фактически они делают все это ради экономики, только большинство людей этого не сознает. Все общество построено на принципе соревнования, конкуренции. Мы должны отменить олимпийские игры, футбол в таком виде, какими они являются сейчас.

- Ну, это поддержали бы немногие люди.

- Конечно, большинство мужчин сказали бы: ты что, с ума сошел! Вот мой телевизор, мое пиво и пропади все пропадом. У большинства людей нет такого взгляда на жизнь, как у меня.

- Это значит, что мы всегда имеем перед собой противника.

- Да ганноверцы встречаются с командой Брауншвейга и начинается большая война.

- Но может быть таковы уж люди?

- Люди не такие, их такими делают. Люди всегда становятся тем, что они делают, что их приучают или принуждают делать. На самом деле они не такие. Большинство людей миролюбивые существа. Это не значит, что они не могут создавать конфликты или, что они не могут сердиться, это не значит, что они иногда не могут превратить свою положительную агрессию в отрицательную. Я бы этого не сказал. Конечно, это так. Но у нас была бы мера плохих вещей, с которой мы могли бы справиться так, чтобы это не вредило обществу.

- Я обобщу: было бы абсурдно верить, что история с Крымом могла бы быть решена мирно, пока мы являемся частью воинствующего общества: из-за экономики, из-за образования, из-за того, что мы постоянно конкурируем. Должны ли мы распрощаться со всем этим, и тогда остальное исчезнет само? Может быть, мы сами должны измениться, и тогда изменятся и остальные?

- Да, это так важно. Если я, к примеру, отец, который вернулся с войны, где пережил чертовщину, и у меня рождается сын или дочь. Если я не проработаю свои проблемы, я перенесу их на свою семью. Тут действует тот же принцип: человек должен осознать свою ситуацию и найти терапевта, который поможет ему справиться с ней. Совсем устранить такие травматические переживания нельзя, но можно научиться с ними справляться, таким образом обеспечив мирную жизнь своей семье, не перенося свои проблемы на детей. А ведь именно это делает наше общество. Оно пересаживает такие переживания через традиции в следующих детей, которые опять-таки вырастают воинственными и настроенными на конкуренцию людьми. Они уже с малолетства вяжут на себя баварские или ганноверские шарфики, и им это нравится. Уже 9-10 годовалым детям слишком трудно думать в другом направлении. Я часто пробую разговаривать с ними об этом, но им очень трудно думать иначе, потому что родители и их родители так думают. Всегда только: делай так, делай этак, чтобы кого-то обойти, переплюнуть. Так они отвращают детей от их собственных ресурсов, и, в конце концов, они получают механическое Я.

- Я допускаю, что кто-нибудь невзначай наткнулся на эту передачу, не зная, что его ожидает, вы его разбередили, и теперь он чувствует себя растерянно. Он должен над этим задуматься,

проработать все услышанное. Что бы вы посоветовали человеку, который хотел бы начать жить более мирно, мирно потреблять, излучать мир. С чего он может начать?

- С себя самого, со своей главной установки в жизни. Со своего отношения к себе самому. Не к другим, а спросить себя, как я отношусь к самому себе? Кто я на самом деле? Чего я действительно хочу в этом мире? Это самое первое, о чем он должен себя спросить. Счастлива ли моя семья со мной? Также и изначальная семья: брат, сестра, мать, отец. Довольны ли они мною. Доволен ли я тем, как они обо мне отзываются? Что между нами уже наворочено?

- Сколько осталось не высказано.

- Да, собственно не высказанным всегда остается конфликт. А если конфликт остается невысказанным, то он множится. Я называю это коллатеральным конфликтом. И это я, сам того не замечая, переношу на своих детей и на свою семью. В результате разводы. Это способствует культуре разводов.

- Можете ли вы посоветовать принять участие в мирных пикетах, которые сейчас набирают силу?

- Да, я их очень поддерживаю. Я советую этому мирному движению разрастаться, а людям выходить каждый понедельник, всегда быть на месте.

- Присутствовать.

- Присутствовать.

Видео на немецком языке: https://www.youtube.com/watch?t=3458&v=prawEV_s8WE